

**ТЕРЕЩЕНКО ТАТЬЯНА
АЛЕКСЕЕВНА**

профессор кафедры гражданского права и процесса НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), руководитель аналитического отдела Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт Петербург» (Санкт-Петербург), *FCIArb*, кандидат юридических наук

НА ОПЕРЕЖЕНИЕ: ВЕРХОВНЫЙ СУД ВЫСКАЗАЛСЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ПРОЦЕДУРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАН

В настоящей статье в практическом ключе прокомментированы отдельные положения нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» и высказаны как отдельные предположения относительно путей развития правоприменения, так и критические замечания.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) физических лиц, процедуры банкротства, реструктуризация долгов, злоупотребление правом

**ГАНЮШИН
ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ**

юрист Адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт Петербург» (Санкт-Петербург)

Введение

С 1 октября 2015 г. вступили в силу новые положения Федерального закона 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон), регулирующие процедуры, применяемые в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан. Совершенно очевидно, что в подобных условиях позиции, отраженные в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (далее — Постановление № 45) могут сыграть важную роль, заложив фундамент практики в делах о банкротстве граждан. В этом смысле особенно важно разобраться, какие именно разъяснения действительно полезны и отражают особенности процедуры несостоятельности граждан, а какие скорее вредны и должны быть скорректированы в процессе правоприменения.

Для этих целей представляется целесообразным последовательно дать общую характеристику Постановления № 45, обратив внимание на основные положительные моменты, высказать критические замечания относительно некоторых

TATIANA A. TERESHCHENKO

Professor at the Civil Law and Civil Procedure Department at the National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg), Head of the Research Department of Law Firm “Prime Advice Saint Petersburg”, FCI Arb, PhD in Law

PROACTIVE SOLUTION: THE SUPREME COURT SPEAKS OUT ON CERTAIN ISSUES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURE FOR CITIZENS

OLEG E. GANYUSHIN

Lawyer at Law Firm “Prime Advice Saint Petersburg”

The article provides practical commentaries on a few clauses of the new Plenary Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13 October 2015 No. 45 “On Certain Issues Regarding Introduction in Action of Procedures Applied in Cases on Personal Bankruptcy (Insolvency)”. The authors offer certain suggestions for the development of law enforcement as well as critics thereof.

Keywords: insolvency (bankruptcy) of citizens, bankruptcy procedures, debt restructuring, misuse of right

спорных, на наш взгляд, разъяснений и отметить те вопросы, по которым Пленум ВС РФ решил промолчать.

Общая характеристика

Постановление № 45 в некотором роде уникально, поскольку оно не является реакцией на спорные вопросы, поставленные правоприменительной практикой, а предшествует ее появлению. Поэтому сложность задачи по его подготовке очевидна. Необходимо было умозрительно выявить несовершенства и узкие места новых положений Закона в части банкротства граждан до начала их повсеместного применения, чтобы попытаться предотвратить формирование практики, противоречащей целям правового регулирования данного вида процедуры несостоятельности, а равно

способствовать добросовестному использованию в обороте института, который давно используется в иностранных юрисдикциях.

Попытка дать разъяснения с чистого листа, вероятно, объясняет, почему отдельные положения Постановления № 45 представляют собой в той или иной форме пересказ норм Закона либо своеобразное пространное разъяснение тех правил, применение которых на практике (если опираться на опыт применения общих положений о банкротстве) вряд ли вызовет серьезные сомнения. Например, вряд ли может претендовать на какую либо новизну п. 26 Постановления, в котором со ссылкой на п. 4 ст. 213.8 Закона указано, что первое собрание кредиторов проводится финансовым управляющим в рабочие дни с 8 до 20 часов в форме совместного присутствия по месту рассмотрения дела о банкротстве должника (в соответствующем населен-

ном пункте) или в форме заочного голосования (без совместного присутствия); причем в случае совместного присутствия выбор места проведения собрания должен осуществляться арбитражным управляющим таким образом, чтобы обеспечить реальную возможность лицам, имеющим право принимать участие в собрании, реализовать это право (доступность), обеспечив максимальную экономию средств должника, конкурсных кредиторов и уполномоченного органа. Равным образом п. 46 Постановления № 45 не привносит чего бы то ни было нового в решение судом при вынесении определения о завершении реализации имущества должника вопроса о том, имеются или отсутствуют обстоятельства, при которых должник не может быть освобожден от исполнения обязательств в соответствии с абз. 5 п. 4 ст. 213.28 Закона. Не вызывает сомнения, что если подобные обстоятельства будут выявлены после завершения реализации имущества должника, определение о таком завершении, в том числе в части освобождения должника от обязательств, может быть пересмотрено компетентным судом по заявлению конкурсного кредитора, уполномоченного органа или финансового управляющего в порядке и сроки, установленные ст. 312 АПК РФ.

Тем не менее, несмотря на общую тенденцию повторения за законодателем, большая часть разъяснения Пленума ВС РФ может быть воспринята положительно.

Например, следует полностью согласиться с указанием в п. 2 Постановления № 45 на то, что невозможно одновременное возбуждение и рассмотрение параллельно двух дел о банкротстве одного лица в качестве гражданина и как индивидуального предпринимателя (хотя к этому выводу можно прийти и в результате систематического и логического толкования Закона).

Не менее полезны указания п. 5 Постановления № 45 о том, что суд вправе без ходатайства лиц, участвующих в деле, при подготовке дела к судебному разбирательству запросить данные о месте жительства должника в органах регистрационного учета. Это позволит избежать множества практических затруднений, связанных с установлением места жительства должника на основании данных, представленных кредитором, в частности в случае уведомления должника по неактуальному (несуществующему) адресу проживания. Подобную инициативу Суда стоит всячески приветствовать, поскольку она может позволить

предотвратить недобросовестные тактики и повысить эффективность процедуры несостоятельности гражданина с обеспечением необходимых процессуальных гарантий.

В п. 21 Постановления № 45 разъяснены важные вопросы предварительного судебного контроля расходов управляющего на привлеченных лиц. В частности, указано на то, что финансовый управляющий вправе привлекать других лиц для обеспечения своей деятельности только на основании определения суда, рассматривающего дело о банкротстве, которое выносится при соблюдении двух условий: 1) представлены доказательства необходимости подобных сторонних услуг и обоснована их цена; 2) должником, конкурсным кредитором или уполномоченным органом либо финансовым управляющим от своего имени дано согласие на оплату таких услуг на основании п. 6 ст. 213.9 Закона. Финансирование является одним из краеугольных камней процедуры банкротства, поскольку должно быть спланировано таким образом, чтобы обеспечить не только проведение самой процедуры, но и ее организацию таким образом, чтобы максимально обеспечить баланс интересов кредиторов и должника. Правильность такого вывода подтверждается тем, что Пленум ВС РФ уделяет особое внимание тому, за чей счет будут возмещаться подобные расходы. По смыслу п. 5 ст. 213.5 Закона такие расходы возмещаются за счет имущества, только если согласие на оплату услуг привлеченных лиц дается должником (а не конкурсным кредитором, уполномоченным органом или финансовым управляющим). В качестве исключения суд вправе разрешить финансовому управляющему привлечь указанных лиц с оплатой их услуг за счет конкурсной массы, только если будут представлены неоспоримые доказательства того, что в конкурсной массе имеется имущество в размере, достаточном для оплаты услуг, и без привлечения названных лиц невозможно достижение предусмотренных законом целей процедуры банкротства (например, оплата услуг, связанных с проведением кадастрового учета земельного участка должника, обязательного для регистрации прав на этот участок и его реализации в целях проведения расчетов с кредиторами), а должник, отказывая в даче согласия, действует недобросовестно, злоупотребляя правом, что запрещено в силу положений ст. 1, 10 ГК РФ. Исключение составляют расходы, которые обязательны для финансового управляющего в силу требований Закона (расходы на опубликование сведений о

банкротстве гражданина и размещение их в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, услуги электронной площадки и т.п.) и потому осуществляются за счет должника независимо от его согласия и без обращения в суд (п. 6 ст. 213.9 Закона). Представляется, подобные разъяснения являются своего рода следствием учета сформировавшейся практики по общим процедурам банкротства, когда фактически конкурсная масса должника расходовалась на оплату услуг третьих лиц, что вело к ущемлению прав кредиторов.

Таким же образом п. 23 и 24 Постановления № 45, касающиеся первого собрания кредиторов, содержат полезное разъяснение о фактах, которые должны иметь место для восстановления пропущенных сроков, установленных п. 2 ст. 213.8 и п. 4 ст. 213.24 Закона, на предъявление требований к должнику. Оценка того или иного обстоятельства как уважительного зависит от усмотрения суда и в этом смысле вносит неопределенность в правовые отношения. Поэтому ориентиры, заданные ВС РФ, позволяют внести элемент определенности в правоотношения, что особенно важно, когда участником правоотношений выступает гражданин, не осуществляющий профессиональной деятельности.

В целом полезен п. 38 Постановления № 45, в котором прокомментирован процессуальный статус управляющего и должника в зависимости от той или иной процедуры банкротства гражданина.

Заслуживает внимания и принцип необходимости действия должника при рассмотрении дела о банкротстве, который затронут в п. 42 Постановления № 45. Как указал ВС РФ, целью положений п. 3 ст. 213.4, п. 6 ст. 213.5, п. 9 ст. 213.9, п. 2 ст. 213.13, п. 4 ст. 213.28, ст. 213.29 Закона в их системном толковании является обеспечение добросовестного сотрудничества должника с судом, финансовым управляющим и кредиторами. Следствием сотрудничества должника является создание предпосылок для информационной открытости, что потенциально должно позволить предотвратить сокрытие должником каких-либо обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на возможность максимально полного удовлетворения требований кредиторов, затруднить разрешение судом вопросов, возникающих при рассмотрении дела о банкротстве, или иным образом воспрепятствовать рассмотрению дела. Хотя разъяснения суда не разрешают конкретных спорных ситуаций, тем не менее особый акцент

на необходимости сотрудничества является не только тенденцией активного отражения в законодательстве и воплощения на практике принципа добросовестности, но может стать хорошим подспорьем для формирования практики применения норм Закона в соответствии с их действительным смыслом и направленностью правового регулирования.

Содержание редакции п. 45 Постановления № 45 примечательно тем, что из него исключено определение понятия «мошенничество», которое разработчики предлагали дать применительно к абз. 4 п. 4 ст. 213.28 Закона¹. Напомним, что в первоначально предлагаемом проекте Постановления было указано, что под мошенничеством, совершенным должником, для целей применения положений Закона о запрете освобождения должника от обязательств понимаются любые действия обманного характера, направленные на получение имущества, а также его вывод, сокрытие или уничтожение, ущемляющие интересы кредиторов. Несмотря на то, что мотивы разработчиков можно понять — попытка исправить несовершенство законодательной техники ст. 213.28 Закона, в которую зачем-то было включено упоминание одного отдельного состава из УК РФ, — данное определение нельзя было назвать удачным. Поэтому исключение его из итоговой версии Постановления № 45, без сомнения, оправданно.

В завершение характеристики положительных черт принятого Постановления № 45 отметим, что оно закладывает основу для активного применения положений ГК РФ о запрете недобросовестного поведения и извлечения их него преимуществ.

Особый акцент на добросовестность (см. п. 14, 17, 21, 30, 36, 42 Постановления) является не только общеправовой тенденцией, но и насущной потребностью в банкротных процедурах, одной из ключевых проблем

¹ Согласно п. 4 ст. 213.28 Закона освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

которых, если обращаться к общей процедуре, как раз и являются развитые недобросовестные тактики, построенные на несовершенстве законодательства.

Критические замечания

Обратимся теперь к некоторым положениям Постановления № 45, содержащим неоднозначные разъяснения.

Во-первых, в п. 1 Постановления № 45 указано, что для целей возбуждения дел о банкротстве граждан учитываются в том числе требования кредиторов и уполномоченного органа, возникшие до 1 октября 2015 г.

Между тем в переходных положениях отсутствуют правила, распространяющие нормы данной части Закона на долги, возникшие до ее принятия. По общему правилу в соответствии со ст. 4 ГК РФ закон не имеет обратной силы и распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие только в случаях, когда на это прямо указано. В целом с позицией Пленума ВС РФ можно согласиться, поскольку ретроспективное действие Закона позволяет предоставить максимально большому количеству граждан возможность прекратить обязательства легальным способом через процедуру несостоятельности и тем самым сгладить негативные последствия экономического кризиса. Тем не менее решать такие вопросы компетентен законодатель, а не ВС РФ, поскольку иначе нарушается принцип разделения судебной и законотворческой функции. Это тем более так, поскольку в части оспаривания сделок законодатель прямо высказался против придания закону обратной силы в процедуре банкротства граждан. Так, в п. 13 ст. 14 Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель установил, что абз. 2 п. 7 ст. 213.9 и п. 1 и 2 ст. 213.32 Закона применяются к совершенным с 1 октября 2015 г. сделкам граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Эти статьи касаются правомочий финансового управляющего на оспаривание сделок должника. В итоге законодатель не дает управляющему и кредиторам преимуществ оспаривания сделок по банкротным основаниям, но

готов освободить должника от долгов, которые возникли ранее вступления Закона в силу.

Во-вторых, согласно п. 7 Постановления № 45 отсутствует необходимость предварительного опубликования заявителем (в том числе кредитной организацией) уведомления о намерении подать заявление о признании гражданина банкротом. По мнению Пленума ВС РФ, такой вывод следует из ст. 213.3, 213.4 и 213.5 Закона.

Вместе с тем перечисленные статьи прямого указания на то не содержат. Однако если обратиться к общей норме п. 1 ст. 213.1 Закона, отношения, связанные с банкротством граждан и не урегулированные главой X «Банкротство гражданина», регулируются главами I–III.1, VII, VIII, § 7 главы IX и § 2 главы XI Закона, и в этом смысле данные нормы являются общими для процедуры несостоятельности граждан. Поскольку действие общей нормы не исключено напрямую нормой специальной, положения п. 2.1 ст. 7 и п. 4 ст. 37 также могут быть применены к отношениям, связанным с банкротством граждан. Иными словами, разъяснения Пленума ВС РФ не происходят с очевидностью из раздела Закона, посвященного банкротству граждан, ни формально-юридически, ни по смыслу. Известно, что при обсуждении проекта Постановления был предложен вариант, подтверждающий распространение правила о необходимости предварительного опубликования заявителем (в том числе кредитной организацией) уведомления о намерении подать такое заявление на дела о банкротстве граждан. Выбор альтернативного варианта Пленумом ВС РФ объясняется, по-видимому, соображениями политики права, но, на наш взгляд, из Закона не следует.

В-третьих, п. 13, 14 Постановления № 45 разъяснены положения п. 2 ст. 213.5 Закона, которые касаются требований, на основании которых заявление о признании должника банкротом может быть подано в отсутствие решения суда, вступившего в законную силу. В частности, к таким требованиям отнесены требования, основанные на документах, представленных кредитором и устанавливающих денежные обязательства, которые гражданином признаются, но не исполняются.

Видимо, осознавая, что законодатель, включив подобную норму в текст Закона, создал очевидный задел для всяческого рода злоупотреблений, Верховный Суд попытался предотвратить одну из возможных

коллизий, а именно дал суду возможность отклонить возражения должника с ссылкой на ст. 10 ГК РФ, если они сделаны явно в целях искусственного затягивания введения процедуры банкротства.

Тем не менее, чтобы применить ст. 10 ГК РФ, суд должен оценить всю совокупность обстоятельств. В частности, в указанном выше случае обоснованность требований кредиторов должна проверяться судом, несмотря на отсутствие возражений должника. Это следует из разъяснений п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», согласно которому в силу п. 3–5 ст. 71 и п. 3–5 ст. 100 Закона проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором — с другой. При применении данной нормы интрига заключается в том, что одним из основополагающих интересов кредитора в деле о банкротстве является возможность стать заявителем по делу и тем самым получить возможность выбора лояльного арбитражного управляющего (в случае с банкротством граждан — лояльной СРО арбитражных управляющих). Ранее это было первостепенной целью и для должника, пока его не лишили данной возможности². Зачастую вопрос контроля решается через появление в качестве заявителя в деле о банкротстве так называемого дружественного (контролируемого) кредитора. Если представить ситуацию, в которой имеется несколько кредиторов, один из которых контролируемый, задолженность перед всеми кредиторами реальна и подтверждена, но в отношении независимых кредиторов должник заявляет возражения, а в отношении дружественного — нет, то в качестве первого заявления о признании должника банкротом принимается заявление контролируемого кредитора, поскольку в отношении его требования формально отсутствует спор

о праве. В этом случае недобросовестный должник добивается своей цели, назначается лояльный должнику арбитражный управляющий. Вероятно, именно в подобных ситуациях вопрос об основаниях для применения ст. 10 ГК РФ наиболее актуален, но, к сожалению, Пленум ВС РФ, давая разъяснения о возможности квалификации поведения должника в качестве злоупотребления правом, прямо на данную ситуацию внимания не обратил. Другой вопрос, возникающий при применении нормы п. 2 ст. 213.5 Закона, связан с указанием в п. 14 Постановления № 45 на возникновение спора о праве. Против требований кредитора могут быть заявлены возражения заинтересованного третьего лица, которые, на наш взгляд, также вызывают спор о праве, названный в качестве основания для прекращения производства по заявлению. Получается, возражения должника порождают спор о праве и являются основанием для прекращения производства по заявлению, в то время как возражения третьего лица, также порождающие спор о праве, почему-то в качестве основания для прекращения производства по делу не рассматриваются. Проблема, разумеется, в большей степени вызвана самим решением законодателя о включении в Закон норм о возможности подачи заявления о признании должника банкротом по требованиям, которые гражданином признаются, но не исполняются без предварительного их подтверждения отдельным судебным актом.

Представляется, что Пленум должен был предложить возможные решения изложенных проблем, учитывая наличие потенциальных коллизий интересов.

В-четвертых, в п. 21 Постановления № 45 разъяснены некоторые вопросы оплаты услуг лиц, привлеченных управляющим для осуществления своей деятельности. Не отрицаем позитивность данного разъяснения для правоприменения в части необходимости предварительного обоснования расходов (см. выше). Однако в судебной практике неизбежно возникнет следующий вопрос: нужно ли обязательное предварительное вынесение судом определения об утверждении данных расходов в ситуации, когда согласие на оплату привлеченных специалистов дает конкурсный кредитор или сам управляющий? Из буквального текста Закона следует, что предварительный судебный контроль необходим и в этом случае. Напротив, с практической точки зрения подобный вывод сомнителен в связи с тем, что нормы ст. 213.5 Закона, касающиеся предварительного су-

² Должник лишен возможности самостоятельного выбора кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации согласно п. 5 ст. 37 Закона о банкротстве, который был внесен Федеральным законом от 29.12.2014 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

дебного контроля, призваны обеспечить те интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, которые заключаются в недопущении чрезмерного обременения конкурсной массы. Если же оплата услуг привлеченных лиц производится за счет конкурсного кредитора, потенциальной угрозы нарушения прав лиц, участвующих в деле, не возникает. Поэтому необходимости в предварительном вынесении определения нет, тем более что это замедляет ход проведения процедуры.

На наш взгляд, было бы правильным дать разъяснения об отсутствии необходимости предварительного вынесения определения о привлечении лиц для обеспечения деятельности финансового управляющего тогда, когда данные лица привлекаются управляющим за свой счет или счет кредитора.

Необходимый судебный контроль обеспечивается в подобных ситуациях тем, что лицо, участвующее в деле, может заявить возражения в порядке ст. 60 Закона, если считает, что привлечением указанных лиц нарушаются его права.

О чем умолчал Пленум ВС РФ

Анализируя содержание Постановления № 45, нельзя не заметить, что Пленум, по-видимому, осознанно отказался от попыток решения потенциально наиболее сложных для практики проблем. О некоторых из них упоминалось выше в комментарии к п. 13 и 14 Постановления, но есть и иные.

Во-первых, отсутствуют разъяснения п. 4 ст. 213.25, п. 7 ст. 213.26 Закона, касающихся реализации общего имущества супругов.

Вместе с тем данные нормы не позволяют прийти к однозначному выводу при решении вопроса о порядке реализации общего имущества супругов. Кроме того, неочевидно их соотношение с нормами семейного законодательства (п. 1, 2 ст. 45 СК РФ) и ранее сформированной в отношении банкротства индивидуальных предпринимателей судебной практикой³. Согласно п. 1

ст. 45 СК РФ по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее взыскания. При этом п. 2 ст. 45 СК РФ говорит о возможности обращения взыскания на общее имущество по обязательству одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи⁴. Ранее в судебной практике, касающейся банкротства индивидуальных предпринимателей, был воспринят подход, закрепленный в ст. 45 СК РФ, но с некоторыми дополнениями: право на обращение в суд за выделом доли получал арбитражный управляющий, при этом было разъяснено, что если движимые вещи находятся во владении должника (например, он записан в качестве собственника в реестре), конкурсный управляющий вправе исходить из того, что имущество принадлежит должнику, и включить их в конкурсную массу. В этом случае другой супруг, не согласный с действиями конкурсного управляющего, получал право обратиться в суд с иском о разделе общего имущества супругов и выделе имущества, причитающегося на долю данного супруга. Если сопоставить вышеизложенное с положениями п. 4 ст. 213.25, п. 7 ст. 213.26 Закона, следует задаться вопросом: подлежит ли реализации в деле о банкротстве гражданина только имущество, составляющее долю должника (как сказано в п. 4 ст. 213.25), или все общее имущество (как сказано в п. 7 ст. 213.26)?

По нашему мнению, п. 4 ст. 213.25 Закона логически соответствует ст. 45 СК РФ и указывает на то, что в конкурсную массу может включаться имущество гражданина, составляющее его долю в общем имуществе, на которое может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским и семейным законодательством, а кредитор вправе предъявить требование о выделе доли гражданина в общем имуществе для обращения на нее взыскания.

³ См.: п. 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей».

⁴ Подробно про категорию «нужды семьи» и необходимость формирования подхода по толкованию данного понятия см.: Будылин С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 4. С. 90–126.

При этом п. 7 ст. 213.26 Закона говорит о том, что имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам, т.е. без выделения доли. Это очевидное противоречие между двумя нормами. Полагаем, было бы очень полезно, если бы данные нормы были разъяснены ВС РФ до появления противоречивой судебной практики.

Во-вторых, Пленум не разъясняет применительно к нормам п. 4 ст. 213.25, п. 7 ст. 213.26 Закона следующее: может ли финансовый управляющий в деле о банкротстве гражданина воспользоваться подходом, изложенным в п. 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей», и включить в конкурную массу имущество, записанное на должника? Если финансовый управляющий воспользуется конструкцией п. 7 ст. 213.26 Закона и приступит к реализации общего имущества, есть ли у супруга должника право на обращение в суд с требованием выдела доли?

В-третьих, на данный момент непонятно, является ли допустимым совместное банкротство супругов. В п. 7 ст. 213.26 Закона приводится порядок распределения средств после продажи общего имущества супругов при наличии у супругов общего обязательства, а также весьма интересное правило о том, как в таком случае погашаются общие обязательства супругов: последнее предложение п. 7 ст. 213.26 Закона предусматривает, что, если у супругов имеются общие обязательства (в том числе при наличии солидарных обязательств либо предоставлении одним супругом за другого поручительства или залога), причитающаяся супругу (бывшему супругу) часть выручки после продажи общего имущества выплачивается после выплаты за счет денег супруга (бывшего супруга) по этим общим обязательствам. Но на этом законодатель и остановился. Однако вопрос, очевидно, актуален, о чем свидетельствует уже возникающая судебная практика. Так, Арбитражный суд Новосибирской области признал супругов банкротами одновременно в рамках одного дела, ввел в отношении них процедуру реализации имущества⁵. Суд обосновал данное ре-

шение соображениями процессуальной экономии, а кроме того, распространил режим общности их обязательств сразу на все их обязательства, что явно противоречит тем же положениям ст. 45 СК РФ. Таким образом, желательно, чтобы ВС РФ сформулировал единую позицию по вопросу о совместном банкротстве супругов. На наш взгляд, положения Закона дают повод для отрицательной позиции, однако этот вопрос является дискуссионным.

Поскольку объем статьи ограничен, мы вынуждены остановиться на приведенных выше комментариях к тем пунктам Постановления № 45, которые нам представляются наиболее интересными. Однако сам круг возникающих вопросов, безусловно, включает не только их.

References

Budylin S.L. “Splitting in Half: Personal Bankruptcy and Family Property in Russia and Abroad” [*Vse my delim popolam. Bankrotstvo grazhdan i semeynoe imushchestvo v Rossii i za rubezhom*] (in Russian). Herald of Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*]. 2015. No. 4. P. 90–126.

Information about the authors

Tatiana A. Tereshchenko

Professor at the Civil Law and Civil Procedure Department at the National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg), Head of the Research Department of Law Firm “Prime Advice Saint Petersburg”, FCI Arb, PhD in Law (11/2 Nevsky av., Prime Advice Saint Petersburg Law Office, 191186 Saint Petersburg; e-mail: t.tereshchenko@hlbprime.com).

Oleg E. Ganyushin

Lawyer at Law Firm “Prime Advice Saint Petersburg” (11/2 Nevsky av., Prime Advice Saint Petersburg Law Office, 191186 Saint Petersburg; e-mail: o.ganyushin@hlbprime.com).

⁵ Решение АС Новосибирской области от 09.11.2015 по делу № А45-20897/2015.